

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 24

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. Н. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 18-го іюня 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1905 г.

Безъ достав-ки въ Петербургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. «ОБРАЗОВАНИЕ», Ришельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ доставкою въ Петербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою во все мѣстности Россіи. . .

8 р.

За границу. 12 р.

Этюдъ Г. Рондела, авт. «Нивы».

Волченокъ.

Повѣсть

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

Гвардеецъ давно уже ушелъ, а еще долго слышались ея всхлипыванья; она что-то громко жаловалась на дочерей, о чемъ-то ихъ просила, потомъ визжала, два раза выбѣгала во дворъ и съ проклятіемъ грозила кому-то кулаками, такъ что изъ верхняго этажа выставилась чья-то голова въ колпакѣ и крикнула:

— Если ты, шельма, не замолчишь, я тебя окачу изъ ушата, и ты останешься довольна.

На утро Инесса явилась въ мастерскую въ урочный часъ. Но она была блѣдна, и глаза ея впали.

— Что это вчера было съ вашей мамой?—спросилъ онъ.

— Вы видѣли нашу служанку?—спросила она.

— Да, у нея глазъ подвязанъ.

— Это вчера мама ударила ее скалкой. Она хочетъ жаловаться въ полицію. Хуже всего, что теперь это пойдеть недѣли на двѣ.

— Что?

— Она будетъ пить ежедневно. Единственно, кто съ ней справляется въ это время—сестренка. Она ее запираетъ, даже бьетъ иногда, и она почему-то ее слушается. Ахъ, когда я избавлюсь отъ этой жизни?

Она опустила голову на руки и закрыла ладонями лицо.

— Вы разстроены?—сказалъ онъ.— Въ такомъ случаѣ, сегодня можно не работать?

— Нѣтъ отчего же, — возразила она.— Что мнѣ тамъ за радость слушать ея ругню! Да и работы другой у

меня нѣтъ, а деньги нужны. Если не давать ей денег, она будетъ пропивать платья.

— Хотите я вамъ дамъ впередъ?—предложилъ онъ.

Она покачала отрицательно головой.

— Нѣтъ, не надо, хуже запутаешься. У насъ и безъ того долги.

— Много?

— Семьсотъ лиръ.

— Заплатите ихъ, я вамъ дамъ.

Она вопросительно посмотрѣла на него.

— Я вамъ дамъ семьсотъ лиръ,—у меня настолько есть средствъ, что такая сумма мнѣ не будетъ чувствительна.

— Вы такъ богаты?—спросила она.

— Я не богатъ, но мнѣ отъ моей поѣздки сюда останется тысячь двѣнадцать лиръ. Не все ли равно, если ихъ будетъ одиннадцать?

— Но за что же вы мнѣ ихъ дадите?—пытливо спросила она.

— За то, что вы мнѣ нравитесь. Я отъ васъ взаимнѣ ничего не требую... Впрочемъ, нѣтъ, я бы поставилъ вамъ одно условіе.

— Я слушаю.

— Пока я здѣсь... вы ни у одного художника кромѣ меня не будете позировать.

Она слегка улыбнулась.

— Что же это—ревность?—спросила она.

— Можетъ-быть. Я не знаю, люблю ли я васъ. Но вы мнѣ нравитесь и очень нравитесь. Если-бъ вы поѣхали со мной въ Петербургъ, я былъ бы счастливъ. Но вы не думайте, что я на чемъ-нибудь настаиваю и предлагаю,—быстро прибавилъ онъ.—Я только говорю о томъ счастьѣ, которое, вѣроятно, невозможно.

— Пора работать,—сказала она, и пошла за ширмы за своимъ хитомомъ.

Въ сущности, Андрею Ивановичу дѣвушка очень нравилась. Онъ видѣлъ ея сдержанность, неприступность, и цѣнилъ это. Онъ видѣлъ ту несчастную обстановку, въ которой она жила, тѣхъ людей, что ея окружали. Ему хотѣлось взять ее отсюда; но куда и какъ онъ ее увезетъ—этого онъ не могъ сообразить теперь, и потому медлилъ.

Она вышла изъ-за ширмъ и стала распускать волосы. Они огромными черными змѣями упали ей на плечи и на спину. Губы ея были сжаты, смотрѣла она исподлобья, и что-то недоброе было въ ея глазахъ.

— Съ васъ теперь хорошо написать Медузу,—сказалъ онъ.—Или хотя бы Медею.

— А что же кинжалъ?—спросила она.—Вы мнѣ обѣщали подарить?

— Все что хотите!—отвѣтилъ онъ, выдавливая на палитру краски.—Но опять-таки подъ условіемъ, что вы моимъ подаркомъ никогда не нанесете вреда ни себѣ, ни другимъ.

— Такъ зачѣмъ же тогда кинжалъ?—удивилась она.—Напротивъ, я непременно кого-нибудь заколю или зарѣжу. Мнѣ предсказала одна ворожея.

— Что вы будете убійцей?

— Нѣтъ, но что я кого-то раню; но она не знала чѣмъ: револьверомъ или ножомъ. Такъ какъ отъ судьбы не уйти, и я должна кого-нибудь ранить, такъ ужъ лучше кинжаломъ, раны легче.

— Это фатализмъ новаго рода!—засмѣялся онъ.—Ну, такъ вотъ что: я вамъ подарю кинжалъ, и вы мнѣ дадите слово, что единственный человекъ, котораго вы можете имъ ударить—буду я.

Она тоже засмѣялась.

— Хорошо,—сказала она.

Онъ протянулъ ей руку, она подала свою. Изъ-подъ складокъ широкой одежды эта рука выставилась вся, выше плеча, стройная, какъ мраморный антикъ.

— Какая чудесная моделировка,—сказалъ онъ, взявъ ея другой рукой за локоть.—Ваша мать говоритъ правду, что въ васъ течетъ греческая кровь. Можно поцѣловать здѣсь, въ локтевомъ сгибѣ?

Она пожала плечами.

— Цѣлуйте,—сказала она.

Онъ поцѣловалъ. Она, не торопясь, высвободила руку, подошла къ помосту, легко вскочила на него и стала въ знакомую позу.

— Кажется, мама опять кричитъ?—прислушалась она.

— Нѣтъ, это разносчикъ,—отвѣтилъ онъ.

XXII.

Синьйора Беатриче не унималась. Она уже третій день бушевала, и когда Джульетта заперла ее въ комнату, выскочила въ окно и при хохотѣ мальчишекъ спустилась съ высоты сажени на мостовую. Андрею Ивановичу это надоѣло, и онъ ей сказалъ, впрочемъ, въ очень вѣжливой формѣ, что если еще разъ услышитъ ея голосъ, то принужденъ будетъ ухватить съ квартиры, такъ какъ она мѣшаетъ ему работать. На это она спокойно отвѣтила:

— Такъ съѣзжайте, кто васъ держитъ!

На слѣдующій день, только-что Инесса стала въ позу, дверь мастерской отворилась и явилась Беатриче. Она была съ нѣсколько опухшимъ лицомъ, видъ у нея былъ суровый. Войдя, она кивнула головой художнику и начала, очевидно, заранѣе приготовленную рѣчь.

— Синьйоръ, вчера вамъ угодно было сказать мнѣ, что долѣе вы не желаете занимать эту студию, такъ какъ мой голосъ, мои хозяйственные распоряженія мѣшаютъ вамъ.

— Сказалъ,—подтвердилъ синьйоръ, не отрываясь отъ кисти.

— Когда же вы очищаете квартиру?

— Если вы не перестанете кричать, какъ вчера, то сегодня же.

Она сѣла въ кресло.

— Я ничего не имѣю противъ вашего отъѣзда,—сказала она.—Но тутъ является одинъ вопросъ. Я сегодня утромъ имѣла случай говорить съ лицами, совѣтамъ которыхъ я вѣрю, и вотъ поэтому поводу и пришла къ вамъ: вы скомпрометировали мою дочь.

— Которую?—спросилъ онъ.

— Конечно, Инессу.

— Чѣмъ это?

— Я имѣла случай уже заявить вамъ, что послѣдніе годы она позируетъ передъ художниками не иначе, какъ одѣтая.

— Ну, такъ что же?

— А между тѣмъ, развѣ то, что на ней—это одежда? Это что такое?

Она подошла къ дочери, и дернула ее за рукавъ. Ткань соскользнула съ плечъ, обнаживъ половину ея шеи.

— Убирайся прочь!—гнѣвно крикнула дѣвушка, быстро закрываясь.

— Что вамъ нужно отъ меня?—спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Что ей нужно?—крикнула Инесса.—Дайте ей пять лиръ, и попросите уйти.

— Вотъ вамъ десять,—сказалъ онъ, протягивая ей золотой.

Беатриче монету взяла и громко захохотала.

— Вы думаете этимъ отъ меня откупиться?—спросила она.

— У меня больше денегъ здѣсь нѣтъ,—сказалъ онъ.—Завтра я вамъ дамъ, сколько хотите.

— Сколько хочу! О, я хочу очень много.

Въ это время дверь опять отворилась.

— Вотъ ты гдѣ?—крикнула Джульетта.—А я-то тебя

лицу по всему дому. Что ты здѣсь разсѣлась? Иди на кухню!

— Это говорить мнѣ дочь!—воскликнула Беатриче.— Она кричитъ на мать, какъ на кухарку.

— Иди! Иди!—продолжала Джульетта.— Тамъ къ тебѣ пришелъ солдатъ изъ полиціи. Фу, какой срамъ, какая гадость!

— Зачѣмъ онъ пришелъ! Мнѣ онъ не нуженъ!—сказала она, блѣднѣя.

— Ты ему нужна. Его прислали по дѣлу о побитомъ глазѣ Стеллы, и по поводу того, что ты среди дня вылъзаешь изъ оконъ. Ну, иди, долго мнѣ ждать тебя.

— Вотъ вы меня до чего довели вашимъ непослушаніемъ!—взвизгнула она.— Кончится тѣмъ, что ваша мать будетъ сидѣть изъ-за васъ въ тюрьмѣ.

— Да и будешь!—злобно сказала Джульетта и насильно вытолкнула ее за дверь.

Едва дверь затворилась, Инесса упала на помость, вѣднвившись въ волосы руками.

— Я не могу больше, не могу!—говорила она.— Увезите меня, увезите отсюда. Я не могу больше ее видѣть.

Онъ налилъ ей воды и подаль стаканъ. Она его оттолкнула.

— Вы можете сегодня же вечеромъ уѣхать со мной?—спросила она.

У него ёкнуло что-то въ сердцѣ.

— Сегодня?—повторилъ онъ.— Хорошо... только я долженъ устроить мои дѣла...

— Такъ устраивайте. Слышите, устраивайте сейчасъ же. Ни одной минуты не теряйте. И сегодня, какъ только стемнѣетъ, я буду ждать тебя здѣсь на углу. Слышишь? И здѣсь я болѣе никогда не буду, въ этомъ проклятомъ городѣ!

Она быстро прошла за ширмы, накинута на себя свое платье, подобрала волосы и сказала уже отъ дверей:

— Я пришлю къ тебѣ Джульетту обо всемъ условиться.

Когда дверь за ней затворилась, синьйоръ Андреа остался въ нѣмомъ удивленіи.

«Какъ, уже?—едва могъ сообразить онъ.— Весь вопросъ конченъ, такъ быстро и такъ просто? Красавица-итальянка остается у меня на рукахъ? Что же это, хорошо или дурно?»

Какъ онъ ни напрягалъ мозги, не могъ разобрать этого. Онъ зналъ только одно: надо дѣйствовать, и какъ можно скорѣе. Онъ схватилъ шляпу, перебрѣнулъ пиджакъ, выбѣжалъ на улицу и вскочилъ въ первый попавшійся фіакръ.

— Въ Ватиканъ!—крикнулъ онъ.— Скорѣе: лиру на чай.

Разжирѣвшій извозчикъ въ шляпѣ котелкомъ, хлестнулъ бичомъ тощую клячу и помчался по узкимъ улицамъ. Знакомая башня Ангела въ сотый разъ встала передъ нимъ своей круглой громадой. Глянулъ куполь собора Петра, засеребрилась пыль фонтана на площади, и коляска подкатила къ дверямъ Ватикана. По узенькимъ, стоптаннымъ вѣками лѣстницамъ кинулся онъ наверхъ, и пробѣжалъ рядъ знакомыхъ залъ, туда, гдѣ стоялъ «Преображенъ»:

Копіистъ работалъ быстро. Въ сущности все было сдѣлано, кромѣ головъ Христа и двухъ пророковъ. Андрей Ивановичъ подошелъ къ нему, такъ что онъ его и не замѣтилъ. Онъ долго стоялъ, всматриваясь въ копію. Потомъ онъ тихо окликнулъ художника.

— Хорошо,—похвалилъ онъ.— Только я васъ попрошу эту драпировку сдѣлать такой же блѣклой, какъ на оригиналѣ.

— Видите ли, милостивый государь,—сказалъ оскорбленнымъ тономъ копіистъ:— когда писалъ Рафаэль, краски его были свѣжи, они поблекли отъ времени, и моя задача возстановить ихъ въ первоначальномъ тонѣ.

— Я не думаю, что первоначальный тонъ былъ та-

ковъ, какъ у васъ,—сказалъ онъ.— И потому переписать надо. Вы когда кончите все?

— Черезъ недѣлю навѣрно. Дѣло въ томъ, что я на подмогу себѣ для лицъ беру одного превосходнаго мюнхенскаго копіиста, а онъ только во вторникъ будетъ свободенъ.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Теперь время моего завтрака. Черезъ полтора часа я буду здѣсь и буду продолжать работу, особенно если вы торопитесь съ заказомъ.

— Да, да, пожалуйста,—сказалъ заказчикъ.

Копіистъ ушелъ. Андрей Ивановичъ почти машинально продвинулъ лѣстницу къ серединѣ холста, открылъ ящикъ, выбралъ двѣ свѣжихъ кисти, выложилъ новыхъ красокъ, поднялся наверхъ, уперся муштабелемъ въ край рамы и началъ быстро и увѣренно писать голову Христа. Копіями онъ давнымъ-давно не занимался, и ему показалась эта работа дѣтски-легкой. Головка Спасителя у Рафаэля сравнительно небольшой величины и написана въ легкихъ, воздушныхъ тонахъ; въ ней нѣтъ чудной загадочности и неопредѣленности Сикстинской Мадонны, и она болѣе или менѣе хорошо выходитъ даже у среднихъ копіистовъ, а подъ рукой опытнаго академика, она въ какой-нибудь часъ отразилась какъ на цвѣтномъ негативѣ. Онъ работалъ съ упоеніемъ, но какъ-то безсознательно. Въ головѣ у него была только одна Инесса, вся свѣтлая, благоуханная, съ черными косами и ея прожигающимъ взглядомъ.

Когда воротился копіистъ и подошелъ къ своей картинѣ, онъ ахнулъ.

— Что это!—воскликнулъ онъ.— Кто это?

Возлѣ него, смѣясь, стоялъ Андрей Ивановичъ.

— Мы безъ мюнхенскаго мастера обошлись,—сказалъ онъ.— Видите, у меня рука твердая. А вотъ за то, что я вамъ головки написалъ, перепишите-ка драпировки въ тѣхъ тонахъ, какія я вамъ покажу.

И онъ, быстро составилъ краски, положилъ нѣсколько шлепковъ на плащахъ апостоловъ.

— Черезъ недѣлю я приду за окончаніемъ работы,—сказалъ онъ.

Копіистъ проводилъ его до выхода съ нескрываемымъ почтеніемъ: онъ и не подозрѣвалъ, что Андрей Ивановичъ такой художникъ.

Дома, едва онъ вошелъ въ мастерскую, изъ-за занавѣски бросилась къ нему Джульетта.

— Гдѣ вы пропали?—шопотомъ заговорила она.— Я жду васъ цѣлый часъ. Я все знаю. Бѣжать вамъ надо какъ можно скорѣе, иначе сестра раздумаетъ, я ее знаю. Въ четыре часа мамѣ назначилъ свиданіе адвокатъ, такъ какъ она будетъ судиться съ нашей кухаркой. Въ четыре часа вы должны бѣжать. Въ половинѣ пятаго отходить поѣздъ. Сестра будетъ тамъ безо всякихъ вещей: вы ей все должны купить въ сосѣднемъ городѣ.

— Куда же отходить поѣздъ?—спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Не знаю. Да это все равно. Вамъ надо только уѣхать и не вернуться.

— Отчего же вы такъ стараетесь спровадить сестру?—спросилъ онъ.

— Ахъ, ей здѣсь нечего дѣлать! Да и я скорѣе безъ нея уйду въ монастырь. Ну, я иду! Прощайте! Быть-можетъ, мы съ вами никогда не увидимся? Такъ вотъ вамъ на память. Я сама купила это на свои деньги...

Она подала ему крохотный зологой крестикъ.

— Спасибо!—сказалъ онъ.— Прощайте, Джульетта, желаю вамъ хорошаго жениха.

Она подставила ему свои губы, поцѣловала и упорхнула въ дверь.

Андрей Ивановичъ уложилъ наскоро свой чемоданъ и посмотрѣлъ на часы: было четверть четвертаго. Какъ разъ Беатриче уходила и что-то приказывала новой кухаркѣ.

Призракъ Вампира.

Рисунокъ А. Р. Эберлинга, къ роману Брэмъ-Стоокера «Вампиръ» (XIII Выставка картинъ СПб. Общества Художниковъ), авт. «Нивы».

У вратъ Эдема. Картина Шмальца, авт. «Нивы».

Едва замолкъ ея голосъ, онъ надѣлъ пальто и шляпу, взялъ чемоданъ въ руку, въ послѣдній разъ окинулъ глазами свою студию, и вышелъ на улицу.

Тамъ не было ни души. Онъ дошелъ до перекрестка, сѣлъ въ экипажъ и велѣлъ себя везти на вокзалъ.

Онъ не зналъ, куда онъ ѣдетъ, и это обстоятельство его приятно возбуждало. Инессы нигдѣ не было. Сновала голпа пассажировъ—оживленная, шумная, пестрая. Онъ смотрѣлъ, какъ бѣжали «факино», согнувшись подъ тяжестью сундуковъ, какъ какой-то англичанинъ съ многочисленнымъ семействомъ настаивалъ, чтобъ ему прицѣпили отдѣльный вагонъ, говоря, что онъ заплатитъ все, что угодно; онъ видѣлъ нищихъ и тутъ протягивавшихъ всѣмъ руку, разносчиковъ съ апельсинами, но его спутницы нигдѣ не было.

«Что же, возвращаться домой?»—подумалъ онъ, когда до отхода поѣзда осталась одна минута.

И онъ уже поднялъ свой сакъ съ пола, но какъ разъ въ это время быстро подошла къ нему, задыхаясь, Инесса.

— Ѣдемъ,—могла она только проговорить.

Они вскочили въ первое попавшееся купѣ, дверца захлопнулась и поѣздъ почти тотчасъ тронулся. Съ ними сидѣлъ какой-то ксѣнзъ и строго смотрѣлъ въ книгу съ золотымъ обрѣзкомъ. Онъ, видимо, былъ недоволенъ со-сѣдствомъ, хотя на дѣвушку посматривалъ благосклонно.

— А куда же мы ѣдемъ?—шопотомъ спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Я не знаю,—шепнула она въ отвѣтъ.

Поѣздъ ускорялъ ходъ, мимо бѣжали дома, развалины, церкви. Вѣчный городъ тонулъ въ пыли, поднимаемой отъ вагоновъ. Она смотрѣла въ окно и тотъ же недобрый огонь горѣлъ въ ея глазахъ.

— Если-бъ я могла никогда не увидѣть его!—сквозь зубы проговорила она.

XXIII.

Дальнѣйшія впечатлѣнія путешествія Андрея Ивановича рѣзко раздѣляются на двѣ части. Первая—какой-то золотой сонъ, единственная полоса въ его жизни, когда онъ чувствовалъ себя свѣтлымъ, чистымъ и добрымъ. И затѣмъ, этотъ сонъ сразу смѣняется безобразнымъ бредомъ, кошмаромъ, за которымъ послѣдовало пробужденіе.

Они очутились въ Неаполѣ и поселились въ маленькомъ невѣдомомъ отелѣ, высоко на горѣ. Весь заливъ съ крыльями розовыхъ парусовъ, съ голубой вершиной Везувія, съ бѣло-желтымъ, затопленнымъ въ садахъ, городомъ, разстилался подъ ними. Пальмы и кактусы росли у окна. Вдали серебрились скалы Сорренто, а правѣе, какъ призраки моря, проступали воздушныя очертанія Капри.

Они мало выходили изъ гостиницы. Наступилъ тотъ угаръ любви, который охватываетъ женщину и мужчину, когда они свободны и перенесены изъ обычной обстановки въ новую. Для Инессы были новы и ея свобода, и присутствіе возлѣ нея мужчины, повидимому, любящаго ее, но уже пожилого, вдвое старше ея. Его, напротивъ того, возбуждало чувство, что возлѣ него молоденькая, свѣжая дѣвушка, чуждой ему національности, которая, очертя голову, отдалась ему и порвала все съ своимъ прошлымъ. Какой-то порывъ свѣжаго вѣтра почудился ему; ему казалось, что его освѣжила эта струя ото всей его академичности, ото всей лжи и неправды жизни.

У него въ представленіяхъ сливались представленія лика рафаэлевской картины, который онъ только-что писалъ, съ лицомъ этой красавицы дѣвушки-генуэзки. И все это было озарено, какъ и Везувій, и Сорренто, и Капри яркимъ солнцемъ,—могучимъ, золотистымъ, все-оживляющимъ.

Андрей Ивановичъ не былъ философомъ. Но иногда са-

мая обстоятельства подсказывали ему извѣстный складъ мыслей. Иногда онъ задумывался о томъ, почему и зачѣмъ онъ живетъ, и нужна ли кому его жизнь? Въ Петербургѣ сознаніе необходимости и важности всего, что онъ дѣлаетъ, были несомнѣнны. Когда онъ приходилъ въ конференцію академіи и садился въ залъ, гдѣ висѣли портреты разныхъ почетныхъ членовъ, и что-то говорилъ, и ему что-то говорили, и конференцъ-секретарь старался прикончить всѣ споры миролюбивымъ исходомъ, тамъ онъ чувствовалъ себя большою персоной, чѣмъ-то дѣйствительно важнымъ. Но здѣсь, вдали отъ Невы, на берегу неаполитанскаго лиловаго залива, среди грязи города, запаха протухлой рыбы, среди неумолкающихъ ночью звуковъ мандолинъ, онъ вдругъ почувствовалъ раздвоенность. Его мундиръ съ шитымъ воротникомъ, здѣсь, на неаполитанскомъ побережьи, могъ показаться смѣшнымъ и глупымъ. Вся его дѣятельность, какія-то никому ненужныя картины, были тоже чѣмъ-то свалившимся съ другой планеты и не отвѣчающимъ строгимъ запросамъ бытія. И онъ самъ показался себѣ мелокъ. Ему казался недорогогъ его чинъ статскаго совѣтника, и его академическое званіе, и его репутация въ совѣтѣ академіи. Проѣзжая вечеромъ въ предмѣстьи Неаполя, онъ видѣлъ, какъ въ грязныхъ лавчонкахъ какой-то грязный малый въ коричневой шляпѣ, съ трубкой въ зубахъ, стоялъ прислонившись къ дверной притолкѣ, и веселая, молодая женщина, сидя передъ нимъ, что-то говорила и звонко хохотала. И онъ завидовалъ этому малому; рядомъ съ нимъ въ экипажѣ сидѣла красавица, но она не смѣялась, она была холодна, и смотрѣла на все равнодушными глазами.

— Ты была здѣсь когда-нибудь раньше?—спрашивалъ онъ ее.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.

— Тебѣ не нравится этотъ заливъ, эти силуэты горъ, эти улицы, народъ, Везувій, паруса?

— Что-жъ, ничего!—спокойно говорила она.

— Хочешь, поѣдемъ въ Помпею? Ты слышала о Помпеѣ?

— Да. Пожалуй, поѣдемъ.

— Только «пожалуй»?

— А развѣ, милый, мы умремъ, если не будемъ тамъ? Зачѣмъ намъ Помпея? Ну, жили люди, какъ ты говоришь, двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Что же изъ этого? Какое намъ дѣло? Они умерли, дѣла ихъ умерли, почему же мы должны входить въ ихъ гробницы и шевелить прошлое?

— Тебѣ все равно, какова была та жизнь?

— Все равно, милый.

Они бродили по лавкамъ. Онъ накопилъ ей платьевъ, шляпокъ, зонтиковъ. Въ одномъ магазинѣ, гдѣ на выставкѣ были кинжалы, она выбрала хорошій клинокъ.

— Я всегда его буду носить съ собою,—сказала она.— И когда ты измѣнишь мнѣ, я убью имъ тебя!

— Я никогда не измѣню тебѣ,—отвѣтилъ онъ.

— Тѣмъ будетъ лучше для тебя,—возразила она.

Когда въ воскресенье всѣ неаполитанскіе колокола посылали веселый звонъ къ синему утреннему небу, Инесса раньше обыкновеннаго вскакивала съ постели и спѣшила въ церковь. Оттуда она возвращалась грустная, уклонявшаяся отъ ласкъ.

— Какъ хорошо было въ храмѣ!—говорила она.— Какое полное общеніе съ Богомъ подъ эти чудные звуки органа!

Ножъ лежалъ на ночномъ столикѣ возлѣ ея постели. Иногда она вынимала его изъ ноженъ и смотрѣла на его сверкающее лезвие.

— Въ кого же я должна его впустить?—наивно спрашивала она.

— Въ меня,—подтверждалъ Андрей Ивановичъ.

Солнце поднималось, всходило, пекло въ полдень, спускалось къ западу. Они спали, вставали, завтракали, катились, смотрѣли на море, и только не были еще въ одномъ мѣстѣ: въ національномъ музеѣ.

— Пойдемъ, — соблазнялъ ее Андрей Ивановичъ: — тамъ великолѣпныя коллекціи изъ Помпеи.

— Что намъ за дѣло! — морщась, говорила она.

«Удивительное созданіе, — думалъ онъ. — Простая итальянская дѣвушка, выросшая среди интернаціональных художниковъ. Откуда у нея такое равнодушіе къ красотѣ, къ наукѣ, къ исторіи? Она смотритъ прямо на все, въ семнадцать лѣтъ! Она удивляется наивности людей, которые собираютъ обуглившіяся и заржавленные реликвіи прошлаго. И, быть-можетъ, она права!»

Но онъ навѣрное не зналъ, права ли она. Его пониманіе было затемнено цѣлой массой того, что навязывала ему его петербургская жизнь. Инесса какъ будто заставляла его оглянуться и сдѣлать переоцѣнку всего того, что ему было навязано смолоду. Эта черненькая, полубразованная дѣвочка какъ будто носила въ себѣ въ десять разъ больше здраваго смысла, чѣмъ всѣ академии вмѣстѣ.

Но все-таки онъ убѣдилъ ее поѣхать въ музей. Поѣздка эта оказалась для нихъ роковой. На лѣстницѣ музея первый предметъ, попавшійся имъ на глаза, была синьйора Беатриче.

— А! — завонила она. — Я третій день поджидаю васъ здѣсь! Я знала, что ни одинъ художникъ не минуетъ музея, рано или поздно придетъ туда. Мнѣ полиція отказала въ розыскахъ, — я самашла.

Она схватила дочь за руку.

— Ну, дѣвочка, ты сбѣжала отъ матери! — заговорила она. — Ты знаешь ли, что за это полагается? Ты думаешь, въ Италіи нѣтъ законовъ! Нѣтъ, я покажу тебѣ, что значить материнская власть!

И она потащила Инессу за руку внизъ по лѣстницѣ. Семья какихъ-то почтенныхъ неаполитанскихъ гражданъ, поднимавшаяся наверхъ, остановилась, съ восхищеніемъ предвкушая дальнѣйшее развитіе скандала.

— Пойдите, синьйора, — сказалъ Андрей Ивановичъ, почувствовавъ, что насталъ моментъ, когда онъ долженъ поразить противника.

Онъ втянулъ въ себя воздухъ, оглянулся на толпу любопытныхъ, картинно размѣстившихся по лѣстницѣ, и спросилъ, высоко поднявъ голову:

— Какое вы имѣете право такъ обращаться съ моей женой?

Синьйора Беатриче выпустила руку дочери.

— Вашей женой? — пробормотала она растерянно.

— Какъ вы смѣете возвышать голосъ, чего-то требовать, на чемъ-то настаивать по отношенію женщины, надъ которой вы утратили всякія права? — спросилъ онъ.

— Я не знала, синьйоръ, что это ваша жена! — лепетала Беатриче.

— Она сумасшедшая, эта женщина! — сказалъ въ толпѣ любопытныхъ какой-то подростокъ.

— Самъ ты недоучка, уличный бродяга! — откликнулась Беатриче.

— Ахъ, несчастная, она еще разговариваетъ! — откликнулся мальчикъ и звонко свистнулъ.

— Здѣсь нельзя собираться, расходитесь, господа, — заговорилъ дежурный, спускаясь сверху и расталкивая толпу. — Что такое? Дама требуетъ къ себѣ дочь, а мужъ не пускаетъ? Сударыня, мужъ никогда не допуститъ, чтобы мнѣние тещи пересилило его волю. Расходитесь, господа, иначе будетъ плохо.

Далѣе произошло что-то безобразное. Они сѣли въ коляску, мать побѣжала возлѣ, цѣпляясь за колеса и крылья. Ее посадили на заднее мѣсто, а Андрей Ивановичъ сѣлъ на скамейку впереди. Тогда она попробовала схватить его за уши и сбить его шляпою. Онъ взялъ ее руку, скрутилъ ее и сказалъ:

— Если вы пикнете хоть одно слово, я васъ убью на мѣстѣ.

Это ее испугало, хотя несомнѣнно, что Андрей Ива-

новичъ не сталъ бы ее убивать даже въ томъ случаѣ, если бы она стала танцовать въ коляскѣ и выть по-волчьи. Они доѣхали до ихъ гостиницы.

— Видите, — сказалъ онъ: — это моя комната, а здѣсь, черезъ коридоръ напротивъ — комната моей жены. Если вы хотите жить съ нами въ мирѣ — молчите. Если вы пикнете, я васъ спущу съ лѣстницы.

Она присмирѣла, и тихо сказала:

— Я всегда считала васъ, Андреа, за благороднѣйшаго синьйора. Тѣмъ съ большимъ счастьемъ я назову васъ своимъ сыномъ.

XXIV.

Андрей Ивановичъ, стгоряча назвавъ Инессу своей женой, рѣшилъ, что такъ и должно быть. Онъ видѣлъ въ ней хорошую, смѣлую натуру, женщину непосредственную, закаленную жизнью, женщину, изъ которой, быть-можетъ, выйдетъ хорошая жена. На слѣдующій день съ утра онъ поѣхалъ въ русское консульство съ вопросомъ, гдѣ онъ можетъ обвѣнчаться по православному обряду. Инесса отнеслась и къ вопросу о бракѣ совершенно равнодушно, только замѣтила:

— Я останусь католичкой!

Беатриче сразу присмирѣла, и даже согласилась вѣнчаться въ Римѣ, гдѣ, по взаимному соглашенію, долженъ былъ совершиться католическій обрядъ вѣнчанія.

— Какъ вы нашли насъ здѣсь? — спросилъ у нея на прощаніи Андрей Ивановичъ. — Почему вы думали, что мы въ Неаполѣ?

— Художники изъ Рима всегда ѣдутъ въ Неаполь, — отвѣтила она. — Я таскала Джульетту за волосы до тѣхъ поръ, пока она не сказала, что вы уѣхали на четырехчасовомъ поѣздѣ. Тогда я прямо бросилась сюда и, наконецъ,шла, благодареніе Богу.

На прощаніе она сочно поцѣловала Андрея Ивановича и сказала:

— Я буду гордиться такимъ зятемъ.

— Хотѣлось бы и мнѣ гордиться моей тещей! — двусмысленно сказалъ онъ.

Въ Римѣ они пріѣхали черезъ нѣсколько дней, уже обвѣнчанные. Андрей Ивановичъ думалъ, что свадебный обѣдъ будетъ такое же скромное торжество, какъ и то, которое они только-что совершили, но жестоко ошибся.

Синьйора Беатриче, во-первыхъ, написала роднымъ въ Геную, а во-вторыхъ, предупредила всѣхъ римскихъ знакомыхъ о свадьбѣ. Получился торжественный и помпезный праздникъ. Съѣхались какіе-то ископаемые родственники въ необъятныхъ бѣлыхъ жилетахъ, огромныхъ галстухахъ и старомодныхъ цилиндрахъ. Они размѣстились по всему дому: въ студіи Андрея Ивановича, на чердакѣ, въ кухнѣ, — даже двѣ двоюродныхъ сестры пріютились на полу, въ комнатѣ невѣсты. Коротенькій толстый Джузеппе, отецъ этихъ дѣвицъ, поселился наискосокъ въ конюшнѣ, такъ какъ кучеръ какого-то синьйора оказался его пріятелемъ. Въ сосѣднихъ кондитерскихъ хорошо знали, что свадебный обѣдъ будетъ въ воскресенье, такъ какъ синьйора Беатриче ежедневно объясняла хозяйкѣ, какъ надо приготовить свадебные торты. Хотя въ Римѣ свадебные торты не приняты, но она увѣряла, что это русскій обычай, и что она это дѣлаетъ по настоянію зятя. Зять, изгнанный изъ своей мастерской, переселился въ гостиницу.

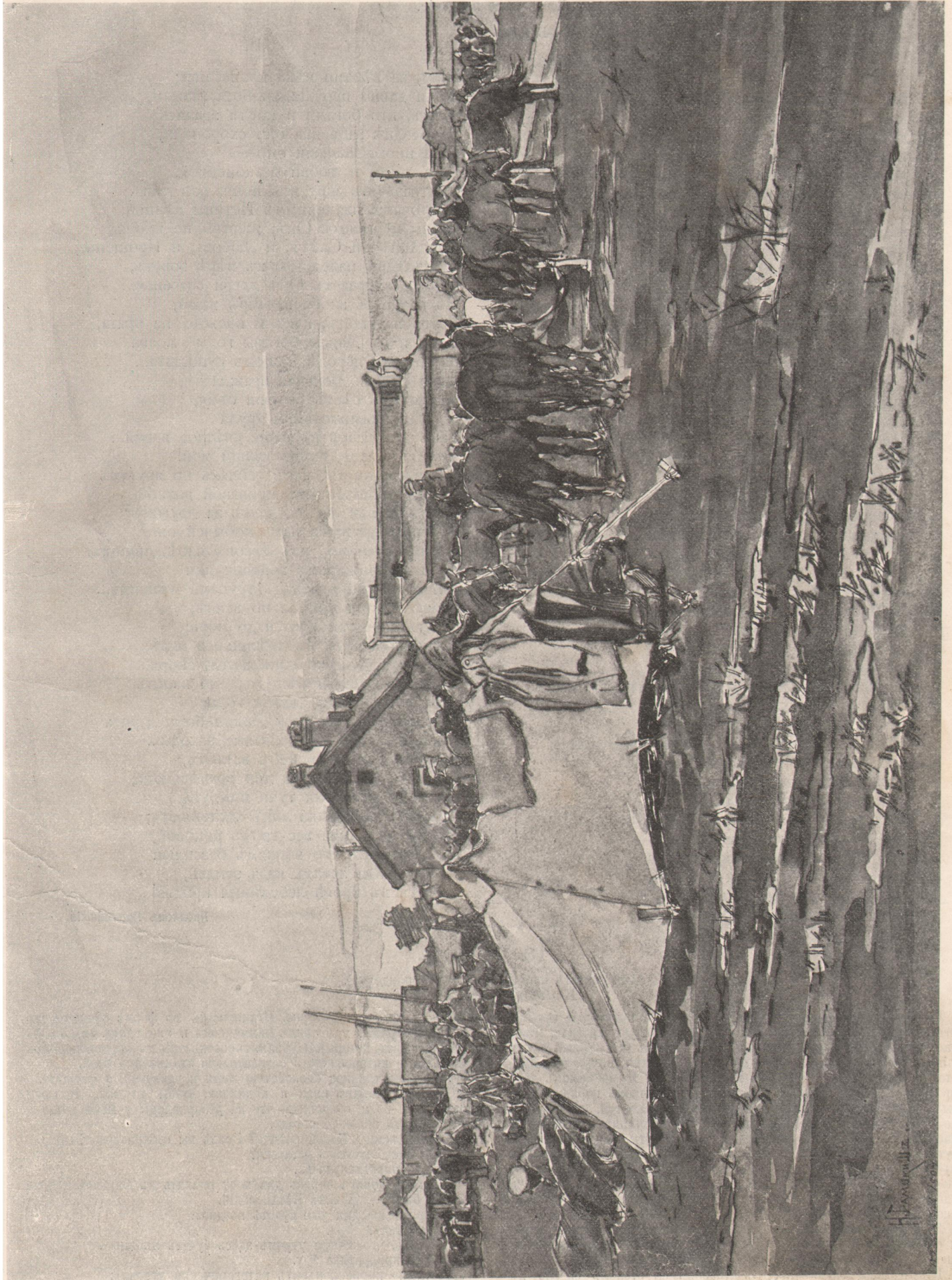
«Преображеніе» было готово; ждали только, когда подсохнутъ краски, и можно будетъ его накрутить на деревянный валъ для отправки въ Россію. Копиистъ получилъ не только слѣдующую мзду, но и 500 лиръ прибавки: Андрею Ивановичу все-таки было неловко получить съ свѣдѣйшей за комиссію гораздо больше того, что стоитъ копія, со всѣмъ его прожительствоу и «убытками».

(Продолженіе будетъ).

Въ царствѣ льда. Моментъ полнаго солнечнаго затмѣнія.
Картина А. А. Борисова (Весенняя Выставка въ Академіи Художествъ), авт. «Нива».

Дрова Ондла

Мукденъ. У станціи желѣзной дороги. Рисунокъ академika Н. С. Самокиша, авт. «Нивы».

Дѣва Обида.

Воскрешее преданіе.

— «... встала Обида въ силахъ Дажь-Богова
внука, вступила дѣвою на землю...»
Слово о полку Игоревъ.

II.

I.

Въ годы глубокой, сѣдой старины—
Въ дни-ль, когда братъ поднималъ мечъ на брата,
Въ дни ли, когда пламя грозной войны
Несъ весь народъ на врага-супостата,—
Въ горнихъ чертогахъ Дажь-бога темнѣлъ
Пламенникъ солнца, горѣвшій въ дни мира,
Взоръ лучезарнаго бога тускнѣлъ—
Взоръ, оживляющій пажити міра.
Днёмъ въ небесахъ воцарялася ночь,
Людымъ вражды знаменуя посѣвы;
Мигъ проходилъ—и любимую дочь
Въ міръ слалъ Дажь-богъ... Краше не было дѣвы
Ни въ небесахъ ни на грѣшной землѣ:
Очи у ней, словно море, синѣли,
Рдѣли ланиты зарѣй, на челѣ—
Три огнецвѣтныхъ звѣзды пламенѣли
Грудь поднималась могучей волной,
А за плечами у ней трепетали
Два лебединыхъ крыла,—близкой
Снѣга бѣлѣе на солнцѣ блистали...
Дѣвой Обидой звалася она;
Знали Земли Святурской баяны
Дѣву небесъ,—рокотала струна
Имъ про неѣ, оглашая всѣ станы...
Тамъ, гдѣ сшибались мечи о мечи,
Тамъ, гдѣ поля орошались кровью,
Дѣва Обида летала въ ночи,
Пламя вражды поганя любовью.
Не было въ міръ сильнѣй той любви;
Рѣяла дѣва надъ нивой кровавой,
Бѣлыя крылья мочила въ крови,
Пѣла пѣснь скорби надъ ратною славой,—
Съ браннаго поля летѣла съ зарѣй
Въ страны, откуда шла ратная сила,
Съ крыльевъ своихъ весь просторъ полевой
Кровью бойцовъ, что россою, кропила...
Миръ наставалъ, затихала война,—
Но еще долгіе-долгіе годы
Въ мирныхъ поляхъ злой вражды сѣмена
Пахарямъ слали кровавые всходы:
Властно стучалася въ двери нужда,
Смута вослѣдъ ей лилася волною,
Голодъ шель обь-руку съ нею всегда,
Горькое горе бродило строною...

Шли, за вѣками вѣка пронеслись;
Люди давно про Дажь-бога забыли,
Всѣхъ, кто богами и послѣ звались,
Въ безднѣ забвенья они схоронили;
Бога иного познали они—
Бога добра и любви безконечной,
Свѣтитъ онъ міру всѣ ночи, всѣ дни
Свѣточемъ пламеннымъ Истины вѣчной;
Славы не ищетъ Онъ, жертвы не ждѣтъ,
Весь Онъ—и Свѣтъ, и Любовь, и Прощенье,
Всѣхъ Онъ надеждою къ вѣрѣ зоветъ,
Всѣмъ отверзаетъ Онъ двери спасенья...
Но и теперь злоба въ мірѣ жива,
Братъ возстаѣтъ, какъ и прежде, на брата,
Какъ и въ Дажь-боговы годы—молва
Видитъ въ народѣ чужомъ супостата...
Злая, слѣпая, больная вражда
По-людямъ сѣтъ безумія сѣмя,
Всходы кровавые нивы труда
Такъ же дають въ наше свѣтлое время...
Чуткое сердце, баянъ вѣшій мой!
Слышишь ли ты, какъ сейчасъ по яругамъ
Странъ, обагрѣнныхъ кровавой волной,
Стаи вороны летятъ другъ за другомъ?
Видишь—кружатъ надъ добычей они?
Видишь волковъ, изъ лѣсовъ набѣжавшихъ?
Въ наши пожаромъ горящіе дни
Хищники спорятъ надъ трупами павшихъ...
Бурею мчится вражда по землѣ,
Бурею отъ-моря мчится до моря;
Молнии блещутъ въ дымящейся мглѣ,
Громы съ громами сшибаются, споря...
Чуешь ли, сердце-вѣщунъ,—не избыть
Горя лихого намъ долгіе годы;
Будутъ, какъ въ пору Дажь-бога, дарить
Нивы намъ тѣ же кровавые всходы...
Зори багряныя въ небѣ встаютъ,
Волнами крови свѣтъ дня возвѣщаютъ;
Съ моря потѣмныя тучи плывутъ,
Краснаго солнышка ликъ заслоняютъ;
Громче и громче все громъ роковой,
Не заглушить его воплямъ безсилія:
Дѣва Обида летитъ надъ землей,
Мочить въ крови лебединыя крылья!..

Аполлонъ Коринфскій.

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Конецъ Мукдена.

Вечеромъ, 24-го февраля, часовъ около одиннадцати, я прибылъ пѣшкомъ на станцію Мукденъ и зашелъ въ буфетный залъ, чтобы наскоро выпить стаканъ чаю и затѣмъ сѣсть въ первый попавшійся поѣздъ, если еще такой окажется. Однако, я мало надѣялся, что въ буфетѣ есть что-нибудь и кто-нибудь... Но на самомъ дѣлѣ, противъ ожиданія, тутъ все оказалось въ обычномъ порядкѣ... Не было даже всегдашняго шума, и посетители, кажется, никогда еще не проводили здѣсь времени въ болѣе благодушномъ и спокойномъ настроеніи. Всѣ мѣста за столами были заняты. Виднѣлись даже бутылки шампанскаго... За прилавкомъ, обильно уставленнымъ закусками, полки до потолка были полны припасами. Все было на своемъ мѣстѣ, и никакихъ слѣдовъ очищенія станціи. Прислуга спокойно обходила столы, а хозяинъ сидѣлъ за прилавкомъ и также спокойно сводилъ дневные итоги...

Я въ недоумѣніи остановился среди зала и даже забылъ, зачѣмъ я сюда пришелъ. Эта мирная и безмятежная картина была совершенно несообразна съ тѣмъ, что дѣлалось кругомъ Мукдена...

Кто-то меня окликнулъ. Въ сторонкѣ за столомъ сидѣло нѣсколько человекъ. Это были военные корреспонденты.

Я подошелъ поздороваться. Кто-то потянулъ меня за рукавъ и

усадилъ. Тутъ были Табурно, Шахновскій въ формѣ офицера пограничной стражи, художникъ Бакмансонъ и еще одинъ «мѣстный» корреспондентъ, который былъ занятъ составленіемъ корреспонденціи.

Остальные неторопливо и основательно занимались ѣдой.

Ихъ величественное спокойствіе меня и удивляло, и смущало. Я выпилъ стаканъ пива и поднялся, чтобы уходить. Коллеги удерживали, но я объяснилъ, что на дебаркадерѣ у меня вещи и кстаи стоять какой-то поѣздъ.

— Какія вещи? Какой поѣздъ? Развѣ вы собираетесь ѣхать?..

— А вы собираетесь остаться?

Коллегія переглянулась...

— Я тоже денюга черезъ два хочу поѣхать въ Харбинь. Давно тамъ не былъ...—заявилъ Шахновскій.

— Черезъ два дня уже будетъ поздно...

— Какъ такъ?

— А такъ, что завтра утромъ здѣсь будутъ японцы...

Коллегія прекратила ѣду.

«Мѣстный» корреспондентъ категорически заявилъ:

— Ерунда!.. Мы никоимъ образомъ изъ Мукдена не уйдемъ и ни въ какомъ случаѣ его не отдадимъ...

Группа 1-го стрѣлковаго Его Величества полка, пробившагося со знаменемъ изъ Мукдена. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

— Вы, конечно, можете его не отдавать, но главнокомандующій уже отдалъ... приказъ объ отступленіи...

Коллегія моментально прекратила засѣданіе.

Раздались энергичные возгласы:

— Человѣкъ!.. Получите!..

«Мѣстный» корреспондентъ только произнесъ: «неужели», затѣмъ бросилъ полный ненависти взглядъ на свою рукопись и съ остервенѣніемъ сталъ разрывать ее на клочки.

Сидѣвшіе за другими столами начали выходить. Въ то же время нѣсколько человѣкъ вошли въ залъ, слышались слова: «кажется,

отступаемъ»... Приказчикъ всталъ за прилавкомъ и старался уловить смыслъ разговоровъ вполголоса...

Среди присутствующихъ прокатилась волна тревоги...

Кто-то, проходя мимо прилавка, грустно замѣтилъ:

— Сколько сардинокъ пропадетъ...

— И паюсной икры,—добавилъ другой голосъ.

У выхода ко мнѣ подошелъ Шахновскій.

— Ты серьезно говоришь?

— Совершенно серьезно...

— Пожалуй, я готовъ хоть сейчасъ ѣхать... Мнѣ все равно...

Какъ 1-ый стрѣлковый Его Величества полкъ устроился послѣ мукденскаго боя. Передъ бараками-землянками клумбы съ украшеніями изъ алебаstra. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

— Готовь или не готовь, мой советъ: садись сейчасъ въ этотъ поѣздъ и радуйся, если онъ проѣдетъ въ Телинъ.

— А почему же нѣтъ?

— Вся наша надежда на глупость японцевъ.

Если они обойдутъ Синтайдзы и обрушатся на линію дороги, то вѣтъ намъ придется пробиваться вмѣстѣ съ войсками. Если же они, по глупости, этого не сдѣлаютъ, то мы добѣдемъ въ поѣздъ... Потомъ, дѣйствительно, оказалось, что Ноги только потому не перерѣзалъ сообщения Мукдена съ сѣвера, что считалъ тамъ нашъ заслонъ гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

На платформѣ станціи уже поднялась суматоха. Неожиданная вѣсть быстро пронеслась по городу. Вагоны осаждались самой разнообразной публикой. Тутъ были и штатскіе, и военные, и здоровые, и раненые, доктора, санитары и сестры милосердія.

Поѣздъ былъ смѣшаннаго состава, но кто-то въ толпѣ говорилъ, что онъ назначенъ для сестеръ милосердія. Въ эту минуту, однако, это не имѣло никакого значенія. Всякій думалъ только о себѣ, и люди набивались не только въ вагоны, въ которыхъ уже буквально не было мѣста, но и на площадки, на ступеньки лѣстницъ, а когда поѣздъ, около часу ночи, тронулся, то люди сидѣли уже на крышахъ вагоновъ, на тормозахъ, на буферахъ и вездѣ, гдѣ только хватало силъ уцѣпиться и удержаться...

— Поѣдемъ вмѣстѣ, — сказалъ Ш. голосомъ, въ которомъ слышалась безкорыстная дружба.

И мы рѣшили не покидать другъ друга въ эти минуты жизни трудныя...

У меня были вещи, которыя сторожилъ солдатъ. Мы вдвоемъ на плечахъ донесли ихъ до станціи, при чемъ всю мою коллекцію китайщины: вазы, вышивки, книги и прочее пришлось бросить въ полъ. У моего спутника тоже имѣлись вещи, но не на станціи, а въ общежитіи офицеровъ-пограничниковъ.

Во имя дружбы я долженъ былъ пойти въ общежитіе и помочь моему коллегѣ перебраться на станцію.

Предварительно мы пошли въ контору справиться у коменданта, когда пойдетъ поѣздъ. Комендантовъ было двое: одинъ маленькій, толстенный и старенный капитанъ, другой — высокій и худой штабсъ-капитанъ. Оба они сидѣли на какихъ-то лѣнкахъ и, повидимому, думали горькую думу.

— Когда пойдетъ этотъ поѣздъ? — спросили мы.

Коменданты переглянулись, дружно и глубоко вздохнули и, наконецъ, члдный, подумавъ и сообразивъ, чтобы не сдѣлать ошибки, протяжно произнесъ: — Можетъ-быть, черезъ часъ.

Тогда худощавый тоже, послѣ короткаго размысленія, добавилъ:

— А, можетъ-быть, черезъ два...

Полный высморкался въ громадный красный платокъ и, желая быть еще болѣе точнымъ, замѣтилъ:

— А, можетъ-быть, и черезъ три...

Но и худощавый тоже не хотѣлъ уступать ему въ сообразительности и категорически заявили:

— А можетъ-быть, и черезъ четыре...

Коменданты продолжали бы свои расчеты до безконечности, если бы мы не выбѣжали изъ конторы, въ зотый разъ теряя надежду получить какия-нибудь свѣдѣнія отъ комендантовъ станціи.

1) Подполк. Н. З. Нестереаъ (ран.), 2) капит. О. О. Бувевичъ (ран.), 3) подпор. А. В. Климанскій (ран.), 4) поруч. В. М. Скворцовъ (ран.), 5) капит. С. П. Слободкинъ (контуж.), 6) капит. В. А. Данкѣвъ (ран.), 7) поруч. Г. Е. Михѣвъ (контуж.), 8) капит. В. А. Дебоа (ран.), 9) шт.-кап. Л. М. Михайловъ (убитъ), 10) подпор. С. Е. Семкинъ (ран.), 11) поруч. В. Я. Агеповъ (ран.), 12) капит. І. А. Карловичъ (пропалъ безъ вѣсти), 13) капит. А. П. Михайловскій (ран.), 14) поруч. Г. К. Ерофѣевъ (контуж.), 15) капит. А. Ф. Артюковъ (раненъ), 16) штабсъ-капит. Л. К. Ромашко (умеръ отъ ранъ), 17) поруч. Л. В. Каменскій II (раненъ), 18) подпор. Е. П. Сацевичъ (раненъ).

97-й лифляндскій полкъ, одинъ изъ наиболѣе пострадавшихъ въ бою подъ Мукденомъ.

大歩靈

Гандиаша

Послѣ Мукденскаго боя. На Мандаринской дорогѣ 25 февраля.

Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. А. Табурина, авт. «Нивы».

Гораздо вѣрнѣе было спѣшить елико возможно.

Мы перелѣзли черезъ нѣсколько поѣздовъ, стоявшихъ рядомъ на путяхъ, и стали въ темнотѣ пробираться мимо часовыхъ, которые опрашивали и останавливали насъ, не желая пропустить около громадныхъ складовъ провіанта. Они все еще охраняли эти склады, которые уже два часа тому назадъ рѣшено было бросить и оставить японцамъ...

Въ помѣщеніи общежитія было все мирно и спокойно. Въ кухнѣ валялись денщики. На стѣнѣ въ большой комнатѣ, уставленной кроватями, висѣло объявленіе, гласящее, что господа офицеры благоволятъ платить за ночлегъ по 50 копеекъ. На одной кровати лежалъ офицеръ пограничной стражи и, повидимому, очень мало зналъ о томъ, что армія отступаетъ и что японцы находятся въ шести верстахъ отъ его кровати.

Когда мы ему объ этомъ сообщили, онъ проявилъ необыкновенную дѣятельность. Сейчасъ же позвалъ денщика и приказалъ ему подать стаканъ чаю.

Мы тоже послѣдовали его примѣру. Въ минуты волнений и общественныхъ бѣдствій это бываетъ очень полезно.

— Ну, что же тамъ дѣлается, на позиціяхъ? Расскажите, пожалуйста,—заинтересовался офицеръ.

и мы должны будемъ бѣжать пѣшкомъ, бросивъ, конечно, все свои вещи. А съ вашей лошадей никакого крушенія не можетъ случиться. Поѣзжайте по дорогѣ, гдѣ идутъ обозы. Днемъ ихъ обстрѣливали, но ночью, вѣроятно, не будутъ.

— Да,—сказалъ Ольгинскій, вставая.—Надо дѣйствовать.

И затѣмъ громовымъ голосомъ закричалъ:

— Вѣстовой!!..

Въ кухнѣ что-то обрушилось, точно этотъ возгласъ сбросилъ вѣстового съ постели.

— Совсѣмъ я не думалъ, что это такъ кончится, — продолжалъ Ольгинскій, въ волненіи прохаживаясь по комнатѣ.

— Что прикажете?—спросилъ вѣстовой.

— Еще сегодня утромъ я былъ увѣренъ... что...

— Вы зачѣмъ звали вѣстового?

— Развѣ это я звалъ?

— Ну, конечно вы.

— Ну, такъ вотъ что, любезный... покуда ничего... Потомъ. Или, впрочемъ, дай мнѣ тоже стаканъ чаю.

Мой спутникъ былъ уже готовъ. Мы прихватили съ собой двухъ вѣстовыхъ для носки вещей и пожелали милѣйшему Ольгинскому счастливаго пути.

Главнокомандующій, генераль-отъ-инфантеріи Линевицъ, со штабомъ у своего поѣзда близъ деревни Гондзяцы.

По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Я посмотрѣлъ на коллегу, который набивалъ свои чемоданы, и заявилъ, что я ничего не знаю о томъ, что дѣлается на позиціяхъ.

Ш. тоже сказалъ, что онъ ничего не знаетъ.

Я солгалъ, но, по чувству справедливости, долженъ замѣтить, что мой коллега сказалъ истинную правду.

Въ это время вошелъ военный корреспондентъ Ольгинскій (Березовскій). По его крайне тревожному виду замѣтно было, что онъ уже «все знаетъ».

— Очевидно, вы сейчасъ ѣдете?—спросилъ онъ меня.

— Очевидно, ѣду.

— Но позволите, что же мнѣ-то дѣлать? У меня лошади, у меня человекъ, не могу же я его бросить...

Я старался увѣрить его своимъ честнымъ, благороднымъ словомъ, что я ни душой, ни тѣломъ не виноватъ во всей этой исторіи, но Ольгинскій не принималъ никакихъ оправданій.

— Вы подумайте только, не могу же я поставить въ поѣздъ своихъ лошадей... Этого не допустить.

— Зачѣмъ же въ поѣздъ, вы поѣзжайте верхомъ.

— Верхомъ?..

— Ну да, верхомъ... На лошади, верхомъ... Ну, какъ все люди ѣздятъ...

Ольгинскій былъ удрученъ. Цѣлый рой бурныхъ мыслей пронесся въ его головѣ.

— Поѣзжайте верхомъ. Ваше положеніе даже лучше нашего. Если японцы нападутъ на линію и испортятъ путь удачнѣе, чѣмъ это сдѣлано было утромъ, то съ поѣздомъ произойдетъ крушеніе,

Его нервное настроеніе, какъ человекъ, только-что вернушагося съ позиціи, было мнѣ знакомо болѣе, чѣмъ кому-нибудь.

Снова перебравшись черезъ вагоны, мы были опять на станціи. Соединивъ своихъ солдатъ съ вещами въ одну сильную партію, мы повели атаку на вагонъ. Больше всего затрудненія было въ узкомъ дефілѣ площадки, сплошь набитомъ вещами и людьми. Здѣсь вышла задержка не болѣе какъ минутъ на десять. Но наши солдаты рѣшили не отступать ни на шагъ. Послѣ упорнаго натиска дефілѣ было пройдено, и мы очутились въ вагонѣ, но здѣсь наступленіе пришлось приостановить, въ виду превосходныхъ силъ непріятеля. Мы приказали солдатамъ свалить вещи на груди другихъ вещей, изъ-за которыхъ выглядывало усталое лицо сестры милосердія. Изъ моей патентованной резиновой постели грозно высовывался стволъ японской винтовки. Это очень смутило сестру, и она просила меня «вынуть пулю», боясь, что ружье выстрѣлитъ. Я успокоилъ ее, объяснивъ, что тамъ нѣтъ никакой пули, и что непріятельская винтовка обречена теперь на вѣчное молчаніе.

Сѣсть было негдѣ. Но это еще ничего. Стоять было негдѣ. Въ проходахъ перелетались чьи-то ноги и руки. Я сдѣлалъ едва замѣтное движеніе, чтобы переступить съ ноги на ногу, и услышалъ снизу со скамьи умоляющій голосъ:

— Пожадуйста осторожнѣе—у меня прострѣлена нога...

У меня у самого, хотя и ничего не было прострѣлено, однако нѣсколько безсонныхъ ночей и нравственныя потрясенія довели организмъ до того, что стоять я положительно былъ не въ силахъ.

Мы съ коллегой рѣшили поискать товарный вагонъ, гдѣ бы можно было лечь хоть на голомъ полу. Когда мы проталкивались

къ выходу изъ вагона, чей-то голосъ сверху окликнулъ насъ. На верхней скамейкѣ лежалъ Табурно. Онъ раньше насъ успѣлишь обезпечить себѣ отступление.

Большинство товарныхъ вагоновъ были наглухо закрыты, но въ одномъ черезъ щелочку свѣтился огонь.

— Кто здѣсь помѣщается?—грозою спросили мы.

— Казначейство главнокомандующаго,—былъ отвѣтъ.

— Лѣземъ!

Мы влѣзли въ вагонъ и оказались въ компаніи нѣсколькихъ солдатъ и одного офицера. Казначействомъ были заняты, по словамъ этого офицера, четыре вагона. Не знаю, что было въ тѣхъ вагонахъ, но здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ кипъ соломы, не было ничего. Принявъ во вниманіе, что мѣсть не хватало для людей, уже не говоря про раненыхъ, которыхъ оставлено было для отдачи въ плѣнъ болѣе тысячи человекъ, нельзя не согласиться, что солома пользовалась слишкомъ большимъ комфортомъ. При этомъ на платформѣ не замѣтно было ни одного лица, которое распорядилось бы эвакуаціей станціи.

А какъ разъ противъ нашего вагона видны были сидящіе въ конторѣ тѣ же два коменданта, все въ тѣхъ же неподвижныхъ

покуда не пройдемъ того мѣста, гдѣ утромъ было нападеніе на путь. Но все обошлось благополучно.

Сознаніе безопасности нѣсколько успокаивало нервы, но картины всего пережитаго за эти дни неотступно толпились въ воображеніи и отгоняли сонъ.

Въ первые дни послѣ Мукдена всеми овладѣло сознаніе полной безнадежности и невозможности дальнѣйшаго успѣха при тѣхъ же условіяхъ. Общее утомленіе физическое и нравственное было такъ велико, что всѣ желали только одного: конца, какового бы то ни было, лишь бы это было концомъ. Большинство лицъ, которыя имѣли возможность, ѣхали уже прямо въ Россію...

Но такое тяжелое настроеніе продолжалось недѣлю съ небольшимъ. Прошло время, нервы успокоились, люди подтянулись, и отъ прежняго мрачнаго настроенія не осталось и слѣда.

Въ полкахъ опять строгая дисциплина, бодрый духъ людей и опять... и опять... свѣтлая надежда на успѣхъ.

Развѣ можетъ быть что-нибудь выше такой нравственной силы арміи?..

До Телина поѣздъ ѣхалъ всю ночь. Нашъ вагонъ не теплушка, а обыкновенный товарный, а потому морозъ заставилъ скоро себя

Э. Л. Нобель. Е. П. Ковалевскій.

Заль для народныхъ чтеній при заводѣ Э. Л. Нобеля въ Петербургѣ. Слушатели-рабочіе на лекціи. По фот. К. Булла авт. «Нивы».

и безнадежныхъ позакъ, въ которыхъ мы оставили ихъ часъ тому назадъ.

— Тутъ нѣтъ свободнаго мѣста, все занято,—заявилъ офицеръ, указывая на кипы соломы, на которыхъ лежали солдаты.— Вамъ придется на полу...

Онъ думалъ насъ этимъ испугать и выпроводить изъ вагона, но мы поблагодарили его за любезность, прибавивъ, что счастливы помѣститься и на полу, лишь бы не остаться въ Мукденѣ.

Ночь была морозная. Мы задвинули наглухо дверь и рѣшили больше никого не пускать. Одинъ изъ солдатъ великодушно набросалъ на полъ немного драгоценной соломы, имѣвшей свой спеціальный вагонъ, и мы немедленно улеглись.

Иногда дверь откатывалась, и снаружи спрашивали:

— Кто помѣщается?

Мы съ коллегой, лежа на полу, громко отвѣчали съ чувствомъ собственнаго достоинства:

— Казначейство главнокомандующаго.

Эти слова производили магическое дѣйствіе. Вопросавшій немедленно исчезалъ, забывая даже задвинуть дверь.

Но зато намъ каждый разъ приходилось вставать и закрывать вагонъ.

До отхода поѣзда это служило нѣкоторымъ развлеченіемъ и было даже поучительно. Мы спрашивали другъ друга, отчего мы не испугались того же самаго отвѣта, когда искали пристанища въ этомъ вагонѣ, и удивлялись, какъ мало на свѣтѣ такихъ храбрыхъ людей, какъ мы.

Среди ночи поѣздъ, наконецъ, тронулся. Мы старались не спать

почувствовать. Было уже не до сна. Покрыться было нечѣмъ. Прогрнувъ до середины пути, мы, наконецъ, стали замерзать. Мы съ коллегой жались другъ къ другу, чтобы согрѣться, но ничего не помогало. При страшномъ изнеможеніи и безсиліи пошевельнуться, я рѣшилъ, что въ такомъ положеніи очень легко незамѣтно замерзнуть. На первой же остановкѣ мы выпрыгнули изъ вагона, позавидовавъ офицеру и солдатамъ, которые лежали на нѣкоторой высотѣ и имѣли теплую одѣяла, и вернулись въ классный вагонъ, гдѣ находились наши вещи.

Здѣсь уже нельзя было лечь и даже сѣсть, но зато было тепло, и мы весь остатокъ дороги простояли, облокотившись на край переродокъ.

Въ 7 часовъ утра мы прибыли въ Телинъ.

Нашъ поѣздъ не былъ послѣднимъ. Послѣ него еще успѣлъ выйти санитарный поѣздъ, за нимъ желѣзнодорожный поѣздъ, бывшій сиприоновскій. Онъ забралъ съ собой часть раненыхъ и былъ переполненъ до крайности. (Тысяча человекъ, все-таки, осталась въ Мукденѣ). Оставленные кричали и просили, чтобы ихъ забрали и не оставляли японцамъ, но ихъ участь была уже рѣшена.

На разсвѣтъ вышли еще два паровоза. Передъ этимъ пущены были двѣ ракеты—сигналъ сжигать склады и брошенное имущество.

Послѣдней вышла рота желѣзнодорожныхъ нижнихъ чиновъ 4-го заамурскаго батальона подъ командой штабсъ-капитана Рыкачева. Армія прошла дорогами мимо станціи и города. Къ 12-ти часамъ въ Мукденѣ уже были японцы.

Они, вѣроятно, появились бы и раньше, если бы не предполагали

въ китайскомъ городѣ засады, что заставило ихъ двигаться осторожно и медленно.

Въ иностранныхъ корреспонденціяхъ, а оттуда и въ нашихъ газетахъ были помѣщены описанія *кровопролитныхъ и турмовъ величественныхъ стѣнъ Мукдена*. Ничего подобного, конечно, не было и быть не могло при современномъ расположеніи фронта арміи и полевой фортификаціи.

Буфетный вокзалъ Телина, платформа станціи— были уже полны офицерами всѣхъ частей. Помимо мѣстныхъ войскъ, большинство офицеровъ были, всё-таки, приѣзжіе съ юга, о чемъ свидѣтельствовали груды багажа на платформѣ станціи. Никогда Телинъ не былъ такъ удрученъ и озабоченъ. До сихъ поръ это былъ самый развеселый городъ по всей китайской дорогѣ, если не считать Харбина. Но тамъ веселье между прочимъ, а городъ, главнымъ образомъ, есть административный центръ. Телинъ же былъ знаменитъ исключительно учрежденіями веселаго характера. Сюда приѣзжали господа офицеры для мирнаго отдыха.

Но утромъ 25-го февраля Телинъ перемѣнился неожиданно. На стѣнѣ вокзала еще видѣлась громадная красная полудогоревшая афиша, на которой значилось, что 24-го февраля, то-есть какъ разъ наканунѣ, въ послѣдній день мукденскаго боя, въ гостиницѣ «Петербургъ» идетъ оперетка «Въ погонѣ за прекрасной Еленой».

Афиша безтолково болталась отъ вѣтра, точно силсилась сорваться со стѣны, чтобы не обращать на себя всеобщаго вниманія.

Въ толпѣ уже прошелъ слухъ, что Телинъ приказано очищать. Очевидно, извѣстіе объ отступленіи арміи дошло до города уже ночью, потому что жители «вольные», какъ говорятъ солдаты, уже были готовы къ отправленію на сѣверъ. Вся площадь передъ станціей была завалена свезеннымъ сюда разнымъ домашнимъ скарбомъ.

По платформѣ метались какіе-то штатскіе, растерянно хлопотали какія-то женщины въ платкахъ, почти закрывавшихъ лица, и съ брильянтами на пальцахъ; горланили китайцы, принося багажъ на станцію, и все это стремилось къ поѣздамъ, отходящимъ на сѣверъ.

Оставивъ свои вещи подъ охраной денщика-солдата, сторожившаго багажъ своего офицера, я, едва волоча ноги, пошелъ обыскивать знакомый служебный вагонъ, въ которомъ я у полковника Кашубы имѣлъ иногда пристанище. Найдя его, я уже не выходилъ оттуда двѣ недѣли. За вещами пошелъ вѣстовой полковника, а самъ любезный хозяинъ и дорогой товарищъ, радуясь, что увидѣлъ меня живымъ, но находя не совсемъ здоровымъ, сейчасъ же уложилъ меня въ постель... Послѣ жесткихъ холодныхъ кановъ и мерзлой земли, мягкая постель позволила дать волю моему изнеможенію. Я окончательно раскипъ. Къ вечеру началась лихорадка и бредъ.

Все, что было въ послѣдующіе дни, я слышалъ сквозь сонъ.

Эвакуація станціи, дѣйствительно, началась въ тотъ же день, но пути были до того забиты составами,

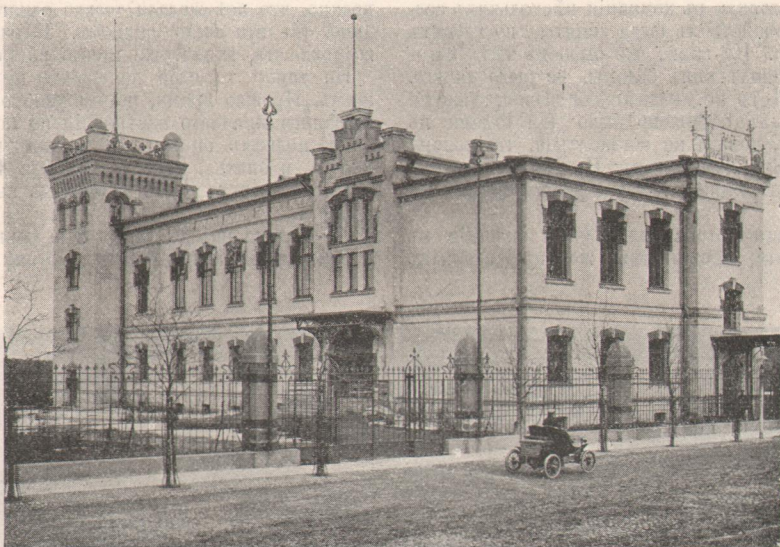
что даже при самой крайней поспѣшности этого нельзя было сдѣлать въ одинъ день.

26-го числа стали подходить войска...

Съ каждымъ санитарнымъ поѣздомъ прибывали солдаты съ юга. Въ вагоны ихъ не пускали, и они на ходу вскакивали на буфера, крючья, форкопы. Нѣкоторые привязывали къ желѣзнымъ скобкамъ снаружи вагона веревки и садились на нихъ. Веревки обрывались, и люди падали подъ колеса...

Въ этотъ же день, 27-го февраля, составъ нашъ дождался своей очереди, и его двинули на сѣверъ.

Поѣздъ шелъ страшно медленно. Ежеминутно мы ждали круше-

Залъ для народныхъ чтеній при заводѣ Э. Л. Нобеля въ Петербургѣ. Общій видъ зданія. По фот. К. Булла авт. «Нивы».

Столовая для учащихся дѣтей рабочихъ на заводѣ Э. Л. Нобеля, при Залѣ для народныхъ чтеній. По фот. К. Булла авт. «Нивы».

Стояще (с.т.а.): Н. Н. Львовъ, Ф. И. Родичевъ, кн. Г. Е. Львовъ, Ф. А. Головинъ, Н. Н. Ковалевскій, кн. П. Д. Долгоруковъ, кн. С. Н. Трубецкой, Ю. А. Новосильцевъ, кн. Д. И. Шаховской.
Сидяще (с.т.а.): баронъ П. Л. Корфъ, графъ П. А. Гейденъ, И. И. Петрункевичъ, М. П. Федоровъ, А. Н. Никитинъ.

Депутация земскихъ и городскихъ дѣтелей, принятая Государемъ Императоромъ 6 юнѣ с. г. въ Петергофскомъ дворцѣ.

По фот. А. Моношко (копія воспрещ.), арх. «Нивы».

ня и нападения хунзуовъ или обходной колонны японцевъ. Передъ станціей Шуамядзы длинная остановка... Впереди взорванъ путь во второй разъ. Поѣздъ, прошедшій раньше насъ, былъ обстрѣлянъ. Убитъ одинъ офицеръ и двое ранено... Дождавшись исправленія пути. ъдемъ дальше... Каждую ночь на западъ видна сигнализация... Въ этомъ районѣ у насъ нѣтъ кавалеріи, и никто не знаетъ, что это значить. По свѣдѣніямъ китайцевъ, тамъ 2.000 хунзуовъ и 1.000 японцевъ.

ъдемъ дальше. На какомъ-то разъѣздѣ ночью по вагонамъ отдается приказъ тушить огни и вооружаться. Нашъ вѣстовой заряжаетъ винтовку и дежуритъ на площадкѣ. Полковникъ заряжаетъ наши японскія винтовки и одну изъ нихъ кладетъ рядомъ со мной на постель...

Слышимъ выстрѣлы, но благополучно избѣгаемъ опасности.

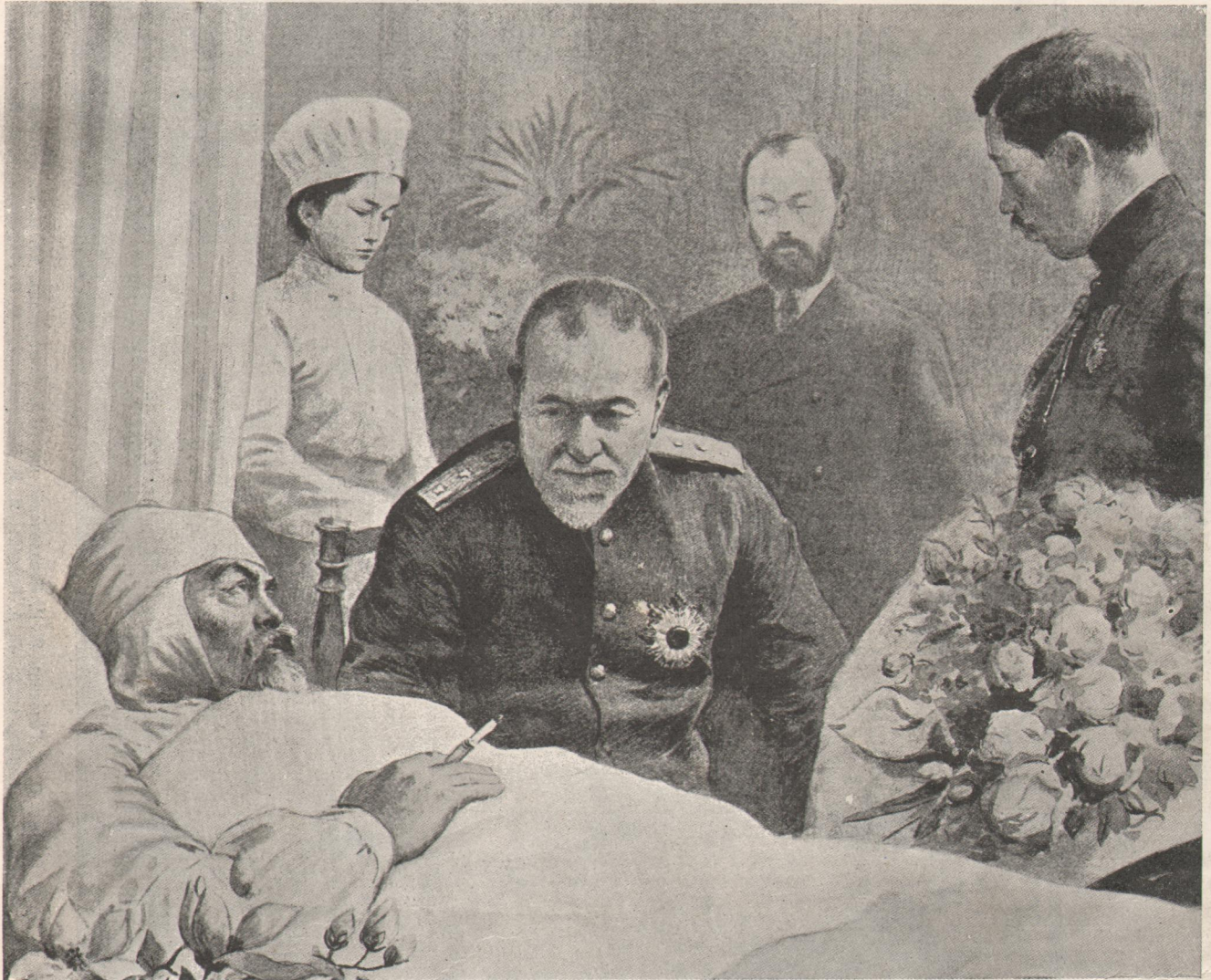
Далѣе узнаемъ, что было нападеніе на разъѣздѣ къ югу отъ Годзядянь...

Народная аудиторія для рабочихъ.

(Съ 3 рис. на стр. 475 и 476).

Съ каждымъ годомъ все настойчивѣе и властнѣе сказывается необходимость въ образованіи темной массы трудящагося населенія и въ поднятїи ея умственнаго уровня. И великое спасибо отъ лица народа тѣмъ, кто идетъ навстрѣчу этой необходимости и несетъ свой трудъ на ниву народную.

Въ настоящее время въ Петербургѣ съ успѣхомъ дѣйствуютъ на этомъ благодарномъ поприщѣ Высочайше утвержденная Постоянная Комиссія народныхъ чтеній. На помощь къ ней нерѣдко приходятъ частныя лица и приносятъ ей какъ свой личный трудъ, такъ и матеріальную поддержку. Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ группѣ этихъ лицъ, безспорно, принадлежитъ извѣстному фабриканту Э. Л. Нобелю, имѣющему огромный заводъ въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, близъ Сампсоніевскаго моста.

Того и Рожественскій. Въ морскомъ госпиталѣ въ Сасебо. Авт. «Нивы».

3-го марта мы все въ дорогѣ. Вечеромъ узнаемъ, что Телинъ уже занятъ японцами въ 12 часовъ 20 минутъ. Заходящіе къ намъ въ вагонъ офицеры рассказываютъ, будто, по словамъ китайцевъ, въ Телинъ 27-го февраля, когда мы еще были тамъ, прїѣзжали японскіе квартиреры, распредѣляли для себя квартиры и предупреждали китайцевъ, что они будутъ въ Телинѣ 3-го марта...

Наконецъ, ночью съ 4-го на 5-е марта прїѣзжаемъ въ Харбинъ.

Въ этотъ же день жителямъ предложено выѣхать изъ города.

На станціи стоялъ уже прибывшій сюда поѣздъ генерала Куропаткина.

7-го марта онъ выѣхалъ обратно на югъ, но уже не какъ главнокомандующій, а какъ командующій 1-й арміей.

Громадныя толпы военныхъ собрались сюда, чтобы проводить его. Куропаткинъ, посѣдѣвшій и постарѣвшій за годъ войны, вышелъ на площадку своего вагона и снялъ фуражку.

Въ эту минуту каждый изъ толпы испытывалъ глубокое уваженіе и сочувствіе къ этому человѣку, на которомъ легла вся отвѣтственность за минувшій періодъ войны, и бурными оваціями приветствовался его великій гражданскій подвигъ.

Тѣ изъ толпы, которые стояли ближе, видѣли на глазахъ у Куропаткина слезы...

В. Табуринъ.

Э. Л. Нобель соорудилъ въ 1901 году прекрасную народную аудиторію для рабочихъ своего завода. Эта аудиторія представляетъ собою красивое, большое каменное зданіе со всевозможными приспособленіями и удобствами для устройства народныхъ чтеній.

Чтенія въ этой аудиторіи должны были начаться тогда же, въ 1901 году, и вначалѣ предполагалось раздѣлить ихъ на двѣ категории: чтенія общаго характера (преимущественно, религіозно-нравственнаго содержанія) и чтенія специально научнаго характера (вечерніе курсы) по физикѣ, химіи, механикѣ и черченію. На первыхъ порахъ, однако, пришлось ограничиться лишь чтеніемъ литературныхъ отрывковъ, сопровождавшимся игрою баладаечниковъ и пѣніемъ хора, и лишь въ текущемъ году чтенія въ аудиторіи Э. Л. Нобеля приняты болѣе серьезный и болѣе соответствующій ихъ первоначальному плану характеръ.

Въ ноябрѣ 1904 года состоялось преобразование всего предприятия. Видное мѣсто въ этомъ преобразованіи принадлежитъ Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній (подъ предсѣдательствомъ Е. П. Ковалевскаго), къ которой обратился самъ Э. Л. Нобель съ просьбой взять на себя общее руководство по устройству чтеній. Много труда въ этомъ дѣлѣ выпало также и на долю особаго «Лекціоннаго Комитета», образованнаго при аудиторіи.

Комиссія и комитетъ подробно разработали организацію чтеній, пригласили въ качествѣ лекторовъ извѣстныхъ своей талантливостью и знаніями лицъ, и въ настоящее время, т. е. съ начала текущаго года, чтенія въ аудиторіи Э. Л. Нобеля приняи серьезный общеобразовательный характеръ. Каждое чтеніе представляетъ собою настоящую лекцію по естественной исторіи, географіи или изящной литературѣ. Представляя каждая вполне законченное цѣлое, лекціи эти идутъ по опредѣленной системѣ и имѣютъ между собою извѣстную внутреннюю связь. Чтенія сопровождаются свѣтлыми картинами, опытами и наглядными пособиями. Слушателямъ раздаются вопросные листки, на которыхъ они могутъ отмѣчать все то, что показалось для нихъ не совсемъ понятнымъ и требующимъ поясненія.

Лекціи раздѣляются на пять отдѣльныхъ цикловъ: 1) по географіи, 2) по химіи и физикѣ, 3) по астрономіи, 4) по геологіи и 5) по биологіи. За время отъ 2-го января по 24-ое апрѣля состоялось 16 чтеній, при чемъ 2 чтенія были посвящены изящной литературѣ. На научныхъ лекціяхъ читали «о Манчжуріи», «объ

Эти призраки тоже были изъ породы вампировъ и легко могли погубить мадамъ Мину — и только съ большимъ трудомъ профессору и ей удалось спастись отъ наводненія. Изыщный рисунокъ А. Эберлинга изображаетъ, именно, этотъ моментъ романа.

У вратъ Эдема. (Рис. на стр. 465).

Эффектная картина художника Шмальца символизируетъ извѣстное выраженіе «per aspera ad astra» — «тернистымъ путемъ къ звѣздамъ». Страдающая душа, прошедшая тяжкій путь земныхъ страданій, достигла вратъ Эдема — и тамъ строгій стражъ райскихъ дверей любовно принимаетъ ее и ободряетъ.

«Кто вѣрять — тотъ будетъ спасенъ, — говоритъ онъ ей: — и тогда залѣчатся тяжкія раны, полученныя въ долгомъ и мучительномъ пути, обновятся изорванныя терніемъ одежды — и свѣтлый рай предстанетъ во всей своей красѣ предъ изстрадавшимся земнымъ путникомъ...»

Капитанъ 1 ранга В. В. Игнаціусъ. Капитанъ 2 ранга Н. Л. Кладъ.

Офицеры погибшаго въ Цусимскомъ бою броненосца „Князь Суворовъ“ во главѣ съ командиромъ капитаномъ 1-го ранга В. В. Игнаціусомъ. По фот. Ф. Квара, снятой въ Ревелѣ передъ отбытіемъ на Дальній Востокъ, авт. «Нивы».

островѣ Сахалинѣ», «о химическихъ превращеніяхъ» и т. п. Литературныя же чтенія трактовали о Чеховѣ и Островскомъ.

Рабочіе посѣщаютъ всѣ эти чтенія чрезвычайно охотно, сплошь наполняя всю аудиторію. Число посѣтителей доходило до 230 человекъ.

Слѣдуетъ упомянуть, что при народной аудиторіи организована дѣтская столовая — для учащихся въ заводской школѣ. Старшіе ученики этой школы посѣщали также и нѣкоторыя чтенія въ аудиторіи и очень интересовались ими. Особенно много учениковъ было на чтеніи объ Островскомъ.

Таково прекрасное предпріятіе, задуманное и осуществленное Э. Л. Нобелемъ. Дай Богъ, чтобы подобныхъ предпріятій устраивалось побольше, и чтобы всѣ тѣ, кто можетъ, подобно Э. Л. Нобелю, организовать такія лекціи, послѣдовали его доброму примѣру.

Призракъ „Вампира“. (Рис. на стр. 464).

Въ одномъ изъ предыдущихъ №№ «Нивы» мы привели краткое содержаніе интереснаго романа Брэмъ-Стоокера: «Вампиръ», и наши читатели при взглядѣ на помѣщенный въ настоящемъ № фантастическій рисунокъ художника А. Эберлинга, навѣрное, сразу вспомнятъ одну изъ заключительныхъ сценъ этого романа.

Профессоръ фонъ-Гельзингъ и мистриссъ Мина Паркеръ близъ замка Борго видятъ ночью призраки тѣхъ женщинъ, которыя были погублены «Вампиромъ» — старымъ трансильванскимъ графомъ.

«Въ падавшемъ снѣгѣ, — говоритъ профессоръ: — я вдругъ увидѣлъ кружившимися трехъ женщинъ. Я узналъ ихъ фигуры, ихъ смѣющиеся глаза, ихъ бѣлые зубы и страстныя, чувственные губы. Онѣ улыбались на бѣдную мадамъ Мину».

Представленіе 6-го сего іюня Его Величеству Государю Императору земскихъ и городскихъ дѣятелей.

(Съ рис. на стр. 477).

6-го сего іюня, въ 12 съ половиною часовъ дня, имѣли счастье представляться Его Императорскому Величеству въ Фермерскомъ дворцѣ, въ Петергофѣ, прибывшіе въ С.-Петербургъ земскіе и городскіе дѣятели: 1) графъ П. А. Гейденъ, опочечкій уѣздный предводитель дворянства, псковскій губернской гласный; 2) князь Г. Е. Львовъ, предсѣдатель тульской губернской земской управы; 3) Н. Н. Львовъ, саратовскій губернской гласный; 4) И. И. Петрункевичъ, тверской губернской гласный; 5) О. А. Головинъ, предсѣдатель московской земской управы; 6) князь П. Д. Долгоруковъ, рузскій уѣздный предводитель дворянства, камергеръ Высочайшаго двора; 7) Н. Н. Ковалевскій, харьковскій губернской гласный; 8) Ю. А. Новосильцевъ, темниковскій уѣздный предводитель дворянства; 9) Ф. И. Родичевъ, кандидатъ всеягопетербургскаго, тверской губерній, предводителя дворянства; 10) князь Д. И. Шаховской, ярославскій губернской гласный; 11) князь С. Н. Трубецкой, ординарный профессоръ московскаго университета; 12) баронъ П. Л. Корфъ, гласный с.-петербургской городской думы; 13) А. Н. Никитинъ, замѣститель предсѣдателя с.-петербургской городской думы; 14) М. П. Федоровъ, гласный с.-петербургской городской думы.

Ординарный профессоръ князь С. Н. Трубецкой обратился къ Государю Императору съ нижеслѣдующими словами:

«Ваше Императорское Величество.

«Позвольте выразить Вашему Величеству нашу глубокую искреннюю благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ

Вамъ обращенія. Вы повяли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ — общественныхъ и земскихъ дѣятелей — чуть ли не измѣнниками Престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство — любовь къ Отечеству и сознание долга передъ Вами.

«Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то вѣрѣе, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознание общей опасности, которая велика, Государь.

«Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацию, при которой власть осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патриотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и въ несокрушимое могущество Россіи: но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ, и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ Царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованиямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово «измѣна» произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ, — и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ» вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплуатируется. Одни натравливаютъ народъ на помѣщиковъ, другіе — на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть неумолима и жестока, накопившаяся вѣками обидъ и утѣшеній, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что въ началѣ облекается въ патриотическія формы, — тѣмъ болѣе она заразителна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій — это путь, указанный Вами, Государь, — созвать избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія, и, наконецъ, оно должно служить «преобразованію государственному», какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути.

«Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные — равно и безъ различія — чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ — своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ Русскій Царь — не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій, — а Царь всея Руси, такъ и выборные люди, отъ всего населенія призываемые, чтобы дѣлать совместно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбежно породитъ сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

«Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу «преобразованія государственнаго». Бюрократія существуетъ вездѣ, во

всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй». Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ Государственныхъ правъ, она должна стать ответственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учреждений. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между имъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учреждений Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

«Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участию въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо открыть самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успешному проведенію ихъ въ жизнь.

«Государь, на довѣрїи должно созидаться обновленіе Россіи». Послѣ сего гласный с.-петербургской городской думы М. П. Федоровъ высказалъ слѣдующее:

«Позвольте, Ваше Величество, присоединить къ тому, что сейчасъ было высказано княземъ Трубецкимъ, еще и то, что тревожитъ и волнуетъ города. Городъ и деревня такъ близки другъ другу, что всякая невзгода деревни отражается и на благосостояніи города: бѣднѣетъ деревня, и мы страдаемъ.

«Мы не можемъ не беспокоиться о задачахъ ближайшаго будущаго: какъ бы Ваше Величество ни разрѣшили вопросъ войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится, и тогда настанетъ необходимость залѣчивать нанесенныя ею раны — экономическія и финансовыя; мы предвидимъ, что нашъ бюджетъ долженъ будетъ увеличиться ради этого на много милліоновъ въ годѣ. Чтобы достать эти милліоны, чтобы найти источникъ для покрытія этихъ расходовъ, нужно начать огромную культурную работу, нужно озботиться о подъемѣ производительныхъ силъ страны, а это только возможно тогда, когда будетъ призвано къ жизни все, что есть даровитаго и талантливаго въ народѣ, и возбуждена широкая самодѣятельность общества.

«У Вашего Величества есть, правда, люди и люди талантливыя, но ихъ не много, и они могутъ присматриваться къ потребностямъ и нуждамъ народнымъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни. Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ передалъ здѣсь князь Трубецкой».

Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣтить:

«Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господи, руководило чувство горячей любви къ Родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко Мнѣ.

«Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

«Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля — воля Царская созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

«Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

«Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

«Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядковъ, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

«Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ».

Послѣ сего Государь Императоръ удостоилъ всѣхъ представлявшихся милостивыми разговорами.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1905 г., къ 1 іюня слѣдовало внести не менѣе 6 руб., а гг. новымъ подписчикамъ, выписавшимъ и первыя 20 книгъ соч. А. К. Шеллера-Михайлова, — не менѣе 9 руб. Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться немедленно просильно слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 27 номера (отъ 9 іюля). При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Волченюкъ. Повѣсть П. П. Гнѣдича. (Продолженіе). — Дѣва Обида. Стих. Аполлона Коринфскаго. — На войнѣ. (Отъ нашего спеціальнаго корреспондента). — Народная аудиторія для рабочихъ. — Призракъ „Вампира“. — У вратъ Эдема. — Представленіе 6-го сего іюня Его Величеству Государю Императору земскихъ и городскихъ дѣятелей. — Заявленіе. — Объявленія.

Р И С У Н К И: Этюдъ Г. Ронделя. — Призракъ „Вампира“. — У вратъ Эдема. — Въ царствѣ льда. — Мукденъ. У станціи желѣзной дороги. — Группа 1-го стрѣльцова Его Величества полка, пробившаго со знаменемъ изъ Мукдена. — Какъ 1-ый стрѣльковый Его Величества полкъ устроился послѣ мукденскаго боя. — 97-й лифляндскій полкъ, одинъ изъ наиболѣе пострадавшихъ въ бою подъ Мукденомъ. — Послѣ Мукденскаго боя. — Главнокомандующій, генералъ-отъ-инфантеріи Ливеничъ, со штабомъ у своего поѣзда близъ деревни Гондзяцзы. — Залъ для народныхъ чтеній при заводѣ Э. Л. Нобеля въ Петербургѣ: 1) Слушатели-рабочіе на лекціи. 2) Общій видъ зданія. 3) Столовая для учащихся дѣтей рабочихъ. — Депутация земскихъ и городскихъ дѣятелей, принятая Государемъ Императоромъ 6 іюня с. г. въ Петергофскомъ дворцѣ. — Того и Рождественскій. Въ морскомъ госпиталѣ въ Сасебо. — Офицеры погибшаго въ Цусимскомъ бою броненосца „Князь Суворовъ“.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненія М. Е. Салтынова-Щедрина“ книга 5.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Маркъ.

Редакторъ В. И. Свѣтловъ.